Мы продолжаем публикации, посвященные замечательной актерской мастерской А.Я.Михайлова во ВГИКе (4 курс). Спектакль "РЯДОВЫЕ" никого не оставляет равнодушным. Предельно искренняя игра молодых талантливых актеров потрясает. Спектакль о войне достигает эмоциональных высот без малейшего пафоса, поражает исповедальной интонацией и человечностью. Ниже публикуем впечатления А.Б.Вульфова от спектакля, который состоялся в Учебном театре ВГИКа 12 марта 2012 г.

Отзыв на «Рядовых»

Откровенно говоря, больше не собирался ничего писать о своих впечатлениях от игры сценического коллектива курса А.Я.Михайлова, чтобы не быть назойливым, но вчерашний спектакль «Рядовые» все-таки побудил.

Ранее просмотр спектакля «В поисках радости» оставил отрадное впечатление (хочу особо отметить тонкую, умную, глубокую игру Александры Кимаевой, которой выпала непростая роль резко отрицательного персонажа – непростая потому, что она, как и все остальные роли в этом спектакле, как образ задана драматургом изначально, она сразу понятна, довольно прямолинейна, и найти собственные оттенки в такой роли, личностные краски, не переиграть очень непросто). Но для меня, зрителя, он все-таки не стал спектаклем-событием, как феноменальная «Зойкина квартира». И не потому, что он как-то не так поставлен – ни в коем случае, просто сама пьеса, к тому же хорошо известная по чудесному старому фильму, не столь зажгла. «Идиот» требует отдельного разговора, который вести непросто, и не в таком жанре надо его вести (классики требуют особого рассмотрения). Я не готов к этому разговору ни как человек, ни как зритель. Но после «Рядовых» я не могу молчать.

Знаете, все-таки дорогого стоит икона над сценой в спектакле «Идиот». Все-таки дал мастер А.Я.Михайлов главное своим воспитанникам – помимо несомненного профессионализма – нравственность. А без нее в душе выходить на сцену – что без молитвы скальпель над больным заносить. Но у одних такая икона над сценой – реквизит, ханжество и показуха, а у других вот – благословение. Который раз думаю об этом на *их* спектаклях (я уже не могу об этой мастерской говорить, как о студентах, для меня это психологически уже, зрительски сложившийся коллектив). Под иконой не станут творить халтуру и разврат. Сперва, честно говоря, немного насторожила меня эта икона над сценой, но теперь, посмотрев «Рядовые» - нет, думаю, все правильно; на

месте она там была.

Главное, что хочется сказать создателям спектакля Григорию Кокоткину и Родиону Толоконникову – это чисто человеческое спасибо. За такое отношение к нашей истории, за сам подход к этой теме – самой по себе давно освоенной и пропетой (а ее, как родник, никогда до конца не испьют, эти страсти и это горе неутолимы). Поразила фресочность в подходе к теме. Не натурализм, не «правда о войне» (часто ее говорят совсем посторонние и несведущие люди), а именно внутреннее понимание священства памяти о тех людях и событиях (простите за штиль). Неброско, целомудренно, как о святом – как и подобает. Молодые люди так к этому относятся – это дорогого стоит, это не то что в театр ходить – жить побуждает, коли в душах молодых такое еще есть. Вот почему вначале упоминал об иконе. Иконопись душевная – она вот в таком, доброделание христианское – оно вот такое - конкретное. Люди плачут в зале! – вот что. Всякое ТВ и прочее подобное шоуобразное больше людей сегодня хихикать учит, и кто учит – люди порой в возрасте, т.н. умные, да без совести – а здесь два молодых парня учат людей помнить святое и плакать слезами добрыми. И вот про это я не могу не сказать, потому что для самого меня этот спектакль – урок жизни и творчества. И за это создателям спектакля мой искренний земной поклон.

Ребята создали атмосферу живого рыцарства, образы настоящих - неброских богатырей.

Молодцы – меры не пережали. Спектакль именно памяти, а не «воссоздание обстановки» - так я понял его (хотя поразительным образом создается атмосфера войны, боев – она заложена в естественной актерской простоте, в том, как общаются актеры на сцене, в чувстве их меры, как раз в отсутствии злоупотребления батальностью, а не наоборот, хотя без грохота, криков и пальбы тут – куда же). Хотел было предложить Г.Кокоткину подумать о небольшом добавлении диалекта в роль (какого-нибудь юго-западного смоленского, например, как в Рославле или «у Крычэве» (Кричев) «говоряць» - но акцент этот нужно выстроить, вызвучить и держать мастерски - нет ничего хуже, чем актер, неумело, вычурно, неестественно имитирующий диалект, «окающую» и вообще народную деревенскую речь!) – но потом подумал, что не так и нужен такому решению спектакля этот оживляж, и без него все есть. Актеры играют сами себя, как дышат, как чувствуют – значит, все в порядке. Я бы, может быть, предложил Г.Кокоткину подумать о том – надо ли иногда удерживать себя от взрыва страсти? Григорий Кокоткин – актер могучего потенциального трагического дарования, актер благородства, ему Несчастливцева играть – запросто, так зачем же, право, ему сдерживаться в каких-то случаях? Я вот как зритель потрясен его рассказом о гибели жены и сына, - так что же и потом пару раз за спектакль не сделать пару таких «выбросов на солнце»? Иногда всем сердцем чувствую вулканический потенциал,

почему-то вдруг, на какой-то секунде, уводимый актером на понижение оборотов (а авиации это называется взлет на номинале, а не на взлетном). Мне кажется, такой актер, как Г.Кокоткин, уже не должен бояться переиграть, потому что достиг, на мой взгляд, мастерства. Он естественен. Очень точно держит он меру грани состояния почти безумного от горя человека, иногда великолепно создает мимолетную как бы его прострацию, отключение от событий, невозмутимость – это очень точно им сделано. Но пару форте после тонких меццо и простого форте порой хочется. Причем не только в сторону аффектированных, но порой и тихих, но обостренных чувств. Это театр, в конце концов, не кино. Можно не два форте, а два пиано – но два.

Как всегда, поразил своим сценическим и человеческим благородством и А.Алексеев. Актер тогда силен, когда скажешь: не вижу никого больше и никогда не увижу, кроме него, в такой-то роли. Да, это на сцене настоящий воин и порядочный человек – безусловно. Это мужчина: он самобытен, ненаряден. А.Алексеев для меня – эталон спокойной и достойной естественности актера. Это в его интерпретации получился пример для молодежи – актеры раньше были не просто любимы зрителем в положительных ролях, но и являли собой пример человека, личности, эталон некий, становились образами-символами у людей. (Гоголь, как известно, назвал театр не просто кафедрой, а как христианин тщательно уточнил: с которой можно много сказать миру *добра*, - а не чего ни попадя; это же уточнение осуществил и А.С.Пушкин в стихотворении «Памятник», тщательно разъяснив, что не просто чувства, а чувства *добрые*
он лирой пробуждал). А.Алексеев благороден и при этом прост и точен, сурово опасается переигрыша и очень этим симпатичен. Единственно, мне показалось за несколько спектаклей с его участием, что иногда ему было бы нелишне тембральное и звуковысотное обогащение голоса в роли, немного добавить, быть может, интонационных оттенков, нюансировку в речи, ее мелодическом построении (речь всегда музыкально звучит в талантливой прозе – талантливая проза непременно музыкальна, интонационна и даже размерна, словно поэзия). На музыкальном языке – иногда добавить восходящих или нисходящих интервалов, уходя, таким образом, (разумеется, крайне дозированно) от некоторой порой остинатности в интонации.

Блистательна Е.Пасюкова своей ровно сильной, энергетически устремленной игрой, уверенной хваткой, напором. Как всегда ее выход – словно особенная интродукция в действии, вывод большой фигуры. Но мне показалось, что окончание ее сцены с Дугиным вышло немного спешно по режиссуре. Не дано было разыграться в этой тяжелейшей и обострённейшей сцене. (Прошу принять во внимание, что в те времена люди совсем не боялись чувств, не маскировали их – напротив, переживали их мощно и открыто, лирично и просто, это ощущается, например, по лучшим военным песням, по построению их мелодии, по тому, как их пели и слушали; это было поколение чувств. Во многом именно этими чувствами, и теми мелодиями песен они и победили в той войне). Как-то быстро сцена их встречи с Дугиным завершилась, имею в виду - по игровому

темпу быстровато, не успевала энергия, летя в зал, затяжелеть (мне так показалось). Там бы пауз, что ли, больше, какой-то электрически напряженной и болезненной тоски, непереносимого душевного мучения – не знаю… Темп сцены немного, возможно, быстроват был – но это по вкусу, конечно. Обняться-то им дайте, хоть друг к дружке прижаться-то, помолчать, забыться нездешним забытьем на миг этот, вечности подобный… Пусть пауза такая будет "театральная", и в зале чтобы дергали носами и не стеснялись. Вообще в этой сцене, нужно дать актерам самим делать эти фермато непредсказумые, переживаемые тут же, во время спектакля. Метр спектакля (в музыкальном значении этого слова – не ритм, а именно метр) тут, в их сцене с Артемом, должен прекратиться, начаться непредсказуемое движение формы. Метр потом восстанавливается только с возвращением капитана с геройской звездой. А тут мне показалось – финал их сцены немного поспешил, а там и бой начался… Не развернуть в полную силу им на такой скорости дар душ своих. Может быть, больше какой-то чисто женской жалкости, несчастности… чтобы вот только одна жаль тоненькая от всей гимнастерки, ремня, сапог, осанки, выправки да бравости женской и офицерской и осталась… Она ведь и когда вначале упрекает его – уже она про себя плачет и рыдает по-бабьи, только не видно пока и не слышно этого за погонами и выправкой, и военной привычкой к скорбям, - но она ведь уже увидела *его*, эти тягостные слезные вздохи должны неслышимо, но явно прорываться как-то сквозь выспреннюю речь… Может быть, на этом вот срыве обиженной женщины-офицера в первородный плач и объятие родной шеи бабой, на глазах ставшей несчастной, и есть вся лирическая и трагическая сила этого образа? Может быть, подольше сгорает она, как свеча, между намерением уйти (в этом зритель не должен и капли сомнения иметь, что она вот-вот уйдет) и все же таким гуманным, таким человечным, таким женским
неуходом
- Евиным объятием мужа-то за родную шею, обретением его «телесного воска»?... Знаете, я вот и сейчас спокойно об этой сцене не могу вспоминать и говорить, война тогда на предел людей ставила, - ладно… Е.Пасюкова – большой мастер сосредоточенного воплощения эмоции, агрессии чувства – поэтому более тонкая проработка ряда каких-то деталей в роли, звуковысотных градаций в речи, мне кажется, только обогатила бы ее, а не помешала. Она иссохнуть, сгореть там должна вся, постареть… Ее партнер Д.Калязин – актер широчайшей градации, но здесь я не могу побороть свою зрительскую отсталость и косность: после
гениального
Обольянинова я, хоть ты убей меня, не смогу еще долго в полной мере воспринимать его в других ролях – это известная зрительская болезнь. Я мечтаю увидеть его когда-нибудь в пьесах А.Н.Островского – от Буланова и Великатова до Дульчина. Это актер классического, интеллигентного дарования.

Знаете, очень цельными показались и Е.Капустин, и А.Новиков. Есть чему у них поучиться в построении роли, расходовании силы. Мне кажется, А.Новикову можно было бы еще немного добавить нервности, злобы, безумия в поведении – они же все там были так или иначе в пехоте психически на грани срыва (но вообще эти страх и усталость все без исключения актеры-солдаты в этом спектакле показывают – и это совершенно

поразительно! – их способность ощутить и передать это чисто военное, околосмертное чувство; они создают на сцене не внешние признаки, а саму атмосферу войны). Но важно то, что он своей игрой, несмотря на довольно дурной образ, создает атмосферу трагичности, а не только психоза – это очень дорогого стоит. Абсолютно целен и точен Е.Капустин в своей вере Христовой – искренне у него всё – единственно, в его последней сцене перед тем, как ему уйти, мне показался немного момент истеричности, конфликтного бытового отголоска в речи – это свойство не типично людям углубленно, а лучше сказать - открыто верующим. Они и в утверждениях, и в споре нередко смятенны, подвержены интонации сомнения, а он тут с ними словно ругаться начинает, и чуть в духе очереди в магазине. Он не должен уходить во вздорность. А в первой части роли Е.Капустин просто абсолютно органичен, точен до каллиграфии.

Восхищения также заслуживает игра А.Шаповал и ее создание образа любящей девочки-санитарки – как лирично, трогательно и тепло! Вообще в наше время столько целомудрия в молодых людях, актерах – опять тут нельзя ту икону не вспомнить – воистину дивны дела Твои, Господи! Вот уж правда где ищешь, то и обрящешь. Как же трогательна и хороша девчонка получилась – и в то же время как тепла, проста и человечна! С коленками своими открытыми и открытой любовью в этом царстве крови, смерти, проклятий и подавляемого ужаса. Великолепно режиссеры спектакля осознали и передали истинную гуманность этой пьесы, ее не-политичность. Дуэт ее с Одуванчиком – лирический шедевр, цветок какой-то юный благоуханный. Между прочим, А.Шаповал очень удалась передача этой девичьей тонкописи лирических градаций, это целомудрие, происходящее от любви (а от любви бывает именно целомудрие, а не бесстыдство).

Очень точны и трогательны Н.Нинидзе и Л.Хасанова в своем дуэте. Цельность выдерживания ролей и речевая динамика выверены. Не первый раз вижу Н.Нинидзе, исполняющую роль пожилых женщин (ранее – мать в «Поисках радости»), и поражаюсь всякий раз, я бы сказал, ее артистическому спокойствию, отсутствию попытки подробного, «достоверного» внешнего изображения при игре женщин значительно более старшего возраста (что вообще-то всерьез и невозможно – это вопреки физиологической природе человеческой и тем более женской…). Как обнаженно, напряженно, нервно и остро трагично – и в то же время как просто представляют героинь девушки! Н.Нинидзе в этой своей блаженности – величина. Потому что она – светится! Да, светится! И точно держит – не переигрывает, нигде лишний раз в «сценическую работу» не идет – правильно, единственно верно, и тоже чуть фресочно – обобщая в игре, не уходя в частности деталей сумасшествия, не лицедействуя, а просто живя в этой уже не земной блаженности. А подруга ее беременная, тоже – что за чудо игра актрисы! Ну как точно это спето – «дядька! дядька!» - ну просто стерильно верная интонация. Этот дуэт нужно показывать как пример мастерства, не часто встретишь такие талантливые женские дуэты в театре.

Отдельно хочу сказать о Р.Толоконникове. Знаете, в каждом спектакле вижу этого актера и нахожу для себя главную его черту – огромную актерскую совестливость. Это человек полной отдачи, честного труда. Это человек, работающий *в полную силу*. Он переживаний не экономит, себя не бережет. Я никогда не забуду этого великолепного Мышкина. Эту цельность всякой роли Родиона, начиная с блистательного Аллилуйи. Думаю, очень много надо было прочитать книг, чтобы так уметь вживаться в роли. Это – работник, а значит – человек и мастер с потенциалом. Все это касается и других в этом воистину уникальном сценическом коллективе, но именно Родион всерьез поразил меня в Мышкине. (Между прочим, в «Идиоте» еще поразил опять своей на первой взгляд неброской, а на самом деле мощной – внутренней - цельностью прекрасный актер Д.Опаричев в роли Иволгина).

Что касается дарования Р.Толоконникова, то оно, на мой взгляд – огромно. Я не могу забыть этого Мышкина. Он совершенно целен был от и до! Это же очень трудно – такая роль! Мифологическая, так сказать! Я не могу забыть его изображения фюрера в "Рядовых". Я не могу не видеть активной сценической умело направляемой динамики жестов и движений Р.Толоконникова, исходящей собственно от возникающих чувств, а не от науки, от естественности и направленности его самоотдачи – такой актер всегда затягивает в свое переживание публику, никогда не остается извне ее. Его эксцентрика видна - и не видна. Это лицедей – и человек весь в себе и сам собой. И лирика за ерничаньем – вот что ценно и важно! Призрак доброты, живости и тайной лирики какой-то. Его порывистость!

В этом ансамбле каждый актер самоценен, каждый по-своему (ведь даже В.Лысенко в коротком эпизоде с пистолетом целен – ест и ни о чем больше в этот момент не думает, всё забывает, в такой момент человек зоологичен, - и Д.Нурмухамметова, как Мадонна со своим дитя – у нее именно такое должно быть лицо), *в этом коллективе нет эпизодических актеров* .

В окончание скажу, что испытал во время спектакля еще один шок. Я никак не мог сразу понять, кто эта блистательная девушка, ослепительная красавица, которая открыла спектакль, а потом, к моему полному восхищению, оказалась за звукорежиссерским пультом в состоянии полной личной непринужденности. Когда узнал я, что это – Портниха из «Зойкиной квартиры» О.Попова, лишился было сперва дара речи; однако после обрел речь, когда она открыла второе действие и так взглянула в зал, что токи неиссякаемой энергетики, живости и властности, достойные польской или украинской панны гоголевских веков, молниями пыхнули и полетели в зал, будто золотистые лучи. Это не глаза, а истинно гоголевские очи! Теперь понятно, почему такая обалденная

Портниха получилась в том спектакле. Актриса – во всём актриса. Вот это да-а-а! Молодец дивчина!

Знаете, еще хотел сказать вот о чем бы. Мне кажется – ну не нужна эта заставка с маршалом Жуковым вначале… Ну не знаю… Это пьеса – народная, и разговор в ней – о народе. Зачем политизировать?.. Зачем идеологизировать? Что это был подвиг народный – всем известно, о роли личности в истории можно подумать, почитав на сон грядущий «Войну и мир» или «Живые и мертвые»… Ну я не знаю… Может быть, почитать А.Я.Михайлову перед спектаклем Симонова того же, Бергольц, Суркова? Может быть, одними песнями перед спектаклем ограничиться? Кстати, насчет песен. Мне кажется, лучше давать их в старой аранжировке исполнителями той поры. Эта ударная установка в аранжировке как-то немного легкомысленна перед столь глубоким лирико-трагическим спектаклем, воспитывающим душу, подающим пример, заставляющим вспомнить святое.

…Ну зачем цитата из Г.К.Жукова? Вывод на пространство действия исторических, официальных фигур всегда что-то должен знаменовать. Что он знаменует в этом спектакле?..

И последнее. Спектакль этот нужно записать на видео, возить и показывать школьникам, дать больше представлений его к 9-му мая. Пусть молодежь увидит, что в современной жизни есть их сверстники, несущие в мир добро, а не просто так болтающиеся и прозябающие по жизни, пусть вспомнят о Добре своих предков, пусть поймут, что живут на Родине. Ребята так поставили спектакль, что это получится.

А.Вульфов